

СВЕТЛАНА СЕРГИЕВСКАЯ

*жертвам
советской власти
посвящается*

поэтический трагифарс
«ОТГОЛОСКИ»

МОСКВА

~ 2019 ~

СОДЕРЖАНИЕ

~ ПРОЛОГ ~	3
Картина первая «Сутолока».....	5
Картина вторая «Ноктюрн».....	7
Картина третья «СЛОН - Соловецкий Лагерь Особого Назначения».....	8
Картина четвёртая «Блатари».....	11
Картина пятая «ББК – Беломоро-Балтийский Канал».....	12
Картина шестая «Яма Осипа Мандельштама».....	14
Картина седьмая «Переселение народов».....	15
Картина восьмая «День Победы».....	16
Картина девятая «Смерть Сталина».....	17
Картина десятая «Оттепель».....	19
Картина одиннадцатая «Причал».....	20
Картина двенадцатая «Стиляги».....	21
Картина тринадцатая «Нобелевская премия Бориса Пастернака».....	23
Картина четырнадцатая «Траектория».....	25
Картина пятнадцатая «Москва-Петушки с Веничкой Ерофеевым».....	26
Картина шестнадцатая «Гондола Иосифа Бродского».....	28
Картина семнадцатая «Изгнание».....	30
~ ЭПИЛОГ ~	33

~ ПРОЛОГ ~

Обращение

Тушите свет! Я вышла на подмостки
Вам о недуге молвить - не врачу:
Давно ловлю повсюду отголоски
Былого века судеб, мыслей, чувств.

Я – века недоношенное чадо,
Последыш хилый талицы скупой,
С шестидесятых теменною чакрой
Для прения с великой пустотой.

Окончен век немыслимых страданий.
И душу жжёт неистребимый стыд
За филистёрство, логоса погранье,
За бешеный повальный геноцид.

Век двадцать первый – то же фарисейство.
Мне ужас повторения велит
Писать и петь, и говорить, и сеять
Слова надежды, боли и любви.

Пирамида

Время кладёт ледяными руками,
Глядя едва из-под тяжести век,
Камень – на камень,
Век – на век.

И, неказистого странного вида,
Растёт, подминая за фактом факт,
Арт-пирамида,
Саркофаг.

Сквозь пирамиду, от тлена свободны,
Текут, как свет, преломляясь едва,
Музыки волны
И слова...

Мефистофель

Под этикеткой именной шафранно-ярого заката,
В испарине росы густой, в тисках инетного мюзле,
Игристая томится Ночь, неповторима, непочата,
Как драгоценное «Клико» во льду у чёрта на столе.
Гадая, замер белый свет: так как же чёрт распорядится -
Откроет с пеной или - без, с кем разопьёт, закусит чем?
Чёрт, словно чётки, не спеша в уме перебирает лица,
Не вглядываясь в них, а сам всё думает о том враче...

«А было всё не так давно – тому лишь несколько столетий...
Врача желанье угадав, к нему проник я точно пёс.
Он был циничен, прозорлив, без всяких лишних междометий,
Меня немедленно узнав, неторопливо произнёс:

- Ну, говори, зачем пришёл, чем соблазнять меня надумал?
Мне всё наскучило, учти, и смерть милее бытия.
Не вижу радости в труде, мне опостылела наука,
А люди лживы и глупы, любовь их, дружба – только яд.

- Послушай, Фауст, не смешно ль в подобном тоне
изъясняться?
С сестрицей Скукою не раз победокурили мы всласть!
Тебе такое предложу, что будет трудно отказаться -
Над всем, что только в мире есть, неограниченную власть!
Я стану спутником в делах, взамен отдашь свою мне душу
В тот миг, когда ослепнешь вдруг на пике тех Желанных Гор.

- Мне всё одно, скорее в путь, я обещаю не нарушу.
И Фауст чётко подписал своею кровью договор.

О, как я глупо проиграл! Но не жалею – мне наука!
О, сколько было их потом: картавых, мизерных, рябых,
Как люффа цепких и больных, тщеславных злобных недоумков,
Стоящих в очередь продать мне непотребство душ своих.
Столетия минули... Устал. Устал и нету больше мочи!
Устал поболее моего и тот Всевышний Господин!»
Чёрт как холодное «Клико» Ночь откупоривает молча,
Ей наполняет свой бокал, и под сурдинку пьёт один...

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Сутолока

Вламывалась сутолока
В ритмику суток,
Весело постукивала
Битой посудой -
Нетерпелива, глупа, неподсудна.

Вдалбливала сутолока
Тактику стука.
Жаловала ссучившихся
Жалкой уступкой,
Стук возвеличив до ранга поступка.

Взламывала сутолока
Ларчики судеб.
Схватывала судорожно,
Била по скулам,
Била по животрепещущим струнам.

Вскармливала сутолока
Зло и паскудство
Лакомою сукровицей
Жлобских посулов,
И понемногу сжирала рассудок.

Взбалтывала сутолока
Кривду в сосудах,
Ныкала наскучившую
Правду под спудом,
И уповала на лагерный сумрак.

Вламывалась сутолока
В ритмику суток,
Вдалбливала сутолока
Тактику стука,
Взламывала сутолока
Ларчики судеб,
Вскармливала сутолока
Зло и паскудство,
Взбалтывала сутолока
Кривду в сосудах -
Нетерпелива, глупа, неподсудна.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Ноктюрн

Ночь повисла как нетопырь,
Ветер рыскает по дворам.
Город хмурый от немоты –
Безъязыкий свидетель драм.

Веет трепетный холодок,
И мгновенья друг к другу льнут,
Едет медленно воронок...
У тебя ещё пять минут

Для того, чтобы позабыть
Абажура пастельный свет,
Немудрящий семейный быт,
Запах мыла, белья, газет,

Вкус варенья и папирос,
Её голос и нежность рук,
Глаз сиянье и шёлк волос,
И улыбку распухших губ...

Пять минут, чтобы позабыть
Всё, что чувствует человек,
Позабыть, что такое «жить»,
Ведь отныне ты будешь «зэк»...

Ночь повисла как нетопырь...
Приближается воронок...
Вот и всё! Стала сказкой быть...
«А! В дверь –звонок!»...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

СЛОН - Соловецкий Лагерь Особого Назначения

- Мама, скажи, что такое «слон»?
- Что за странный вопрос? Животное, и - не что, а - кто.
- Нет, мам, тут - большими буквами, и рядом – какой-то «СТОН».
- Я не смогу ответить сейчас, сынок, отвечу потом, всему - свой срок...

СЛОН

А место то свято, да место не пусто,
Хранимо суровостью Белого моря.
Здесь жили монахи, растили капусту,
Томили селёдочку в пряном рассоле.

И были тут зайцы, и белки, и лоси,
А хищные звери отнюдь не водились.
На ферме, на кузне, в саду, на покосе
Трудились монахи, да Богу молились.

Но вдруг объявилась Нечистая Сила,
И всё благоденствие сдунула прахом,
Святыни потырила, храм подпалила,
И к матери чёрта послала монахов...

Теперь это место заселено густо
Народностью «вохра», народностью «зэки».
Не стало селёдки, не стало капусты,
Ни птицы, ни лося, ни зайца, ни белки.

Теперь в чёрностенных и вшивых бараках
Голодные люди и воют, и лают...
Всё это – театр, не вздумайте плакать!
Тут всё понарошку, ведь так не бывает!

На лесоповале, облеплены гнусом,
Мужчины и женщины разного ранга
Взметают топорики ради искусства
Каких-то двенадцать часов до антракта!

А после – баланда, да клёклая пайка,
Которые жизни гораздо дороже,
И карцер – кому-то... Да это же – байки,
Тут всё понарошку, ведь так быть не может...

Парит Буревестник, слезу отряхнувши,
И сопли размазав о грудь перьевую,
Поёт про спасённые зэковы души,
И славит советскую мысль удалую!

Инструктаж

А теперь представим диво:
Море вскинется бурливо,
Да осядет в зала темь,
Нам явив на сцене Кемь.
В Кемперпункте городка
Встретят прибывших «з/к»,
Лютой злобою горя,
Тридцать три богатыря,
И ещё таких же - триста,
Все – матёрые садисты,
Стервецы, как на подбор!
С ними – дядька «Беломор»,
По фамилии Курилко,
С ошалелым взором пылким,
Постепенно входит в раж,
И проводит инструктаж:

- Здесь республика не советская,
А - Соловецкая!
Горбатых могилой исправишь!
Скажу «Встать!» - встанешь!
Скажу «Лечь!» - ляжешь,
Не выполнишь – вмажу!
Домой написать можно строчку:
«Жив. Здоров. Всем доволен.». Точка!
А не доволен – то через спину
Научим дрыном.

Тебе махать топором обрыдло,
Так будешь – «вридло».

А коль удумает кто мастырку,
То – на «Секирку»:
С той горки скинется с полпиночка
Твой срок досрочно!
А проповедовать станет попчик -
Голгофой кончит.

Теперь запомнили все устав -
Повиновение и муштра!
Начнём с приветствия, обормоты:
- Ну, здравствуй, первая карантинная рота!
- Здра... (*тихо и вяло*)
- Плохо, заново, школяра!
Талдычить будете до утра!
- Здравствуй, первая карантинная рота!
- Здра! (*громко и бодро*)
- То-то! Бегом, пехота!

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

Блатари

Не орлы, не глухари-
Ходят птицы-блатари,
Помыкают петухами,
Залетают к вертухаям
Под шершавое крыло,
Им работать запаadlo.

Копошится шестерня,
Закемаривших шмоня.
- Скидавай ботинки, фраер,
Пайку тоже забираем,
Да молись, что спас нутро -
Затупилося перо...

Да ещё секи момент:
Ты ведь чуждый элемент.
Мы – свои, а ты же – контра,
Значит ты хужее чёрта.
Так заткни своё хайло,
Нам, что смерть, что жисть – фуфло...

КАРТИНА ПЯТАЯ

Беломоро-Балтийский канал

Дайте мне закурить... «Беломор»!
Мне довольно одной затяжки,
Чтобы мой помутился взор,
А по телу пошли мурашки.
Вот тогда и начнём разговор...

Глюк

Кремль. Ночное. Запарился Сталин
Биться с вредительством всяких подлюг.
Встал у окна, и из хляби астральной
Выплыл к нему фешенебельный глюк:

Раздухарился от моря до моря,
Войлок таёжный рукой разодрал,
В топи болотной порылся слегою,
И покорёжил зазубрины скал,
Да подхватился, расправивши крылья,
Медными трубами властно влеком...
Коба немедля собрал камарилью,
Трассу на карте провёл мундштуком.

- Нам этот самый канал нужен срочно!
Но - без валюты, довольно рублей.
Вон уже Френкель, Нафталий Аронич,
Формулу вывел. Смышлёный еврей.

Чтоб ротозейство не стало преградой
Торить великую к морю тропу,
Вверить строительство будем мы рады
Верному, славному ОГПУ.

Пусть заключённые явят сноровку,
Дружно все вместе возьмутся за гуж -
В темпе ударном пойдёт перековка
Бедных, заблудших, потерянных душ.

Беломоро-Балтийский канкан

Была я проститутка,
Была воровка,
Пошла за эти шмутки
На перековку.
На Беломорканале
Не в белошвейку –
Меня перековали
В каналармейку.

Тай-рам-пам-пам
Тай-рам-пам-пам

Теперь я бригадирша,
Каэрок строю,
Им кубометров лишних
Добыв туфтою.
Хоть климат тут галимый,
Да хоцца кушать,
Но люд неутомимый
ОГПУшный.

Тай-рам-пам-пам
Канал-канкан-канкан-канал...

ББК – финал

Труд этот был исполинским да адовым,
Тысячи крепких людей доконал.
Косточек белых ажурной оградю
Имени Сталина венчан канал.

Вождь-триумфатор на судне прогулочном
Вдоль прошвырнулся, остался не рад.
Вытер улыбочку, выкурил трубочку:
- Вышел негодный канал - мелковат...

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Яма Осипа Мандельштама

Это – не улица, скажем прямо,
Это – простая советская драма,
Это – обычная братская яма,
Яма Осипа Мандельштама.

Лежит под прицелом вселенского мрака
Равнина, как вскрытое кем-то письмо,
И водит по сбивчивым строчкам барачков
Недоброе вещее волчье бельмо.

И мнится, что в мире покойно и тихо,
Но только донельзя эфир напряжён,
И лес совершает, прикинувшись мнихом,
Молитву за тех, кто полез на рожон.

Он молит о том, чтобы сон убаюкал
Иззябшую, битую, тощую плоть,
Чтоб душу – нелепую лишнюю штуку –
Прибрал наконец близорукий Господь.

От СВИТЛа мольба дотянулась до неба -
Декабрьская ночь приготовила смерть.
Весною, под Пасху, без слёз и без требы,
Возьмёт «зимний штабель» отмякшая твердь...

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Переселение народов

Выползает как червяк
В чисто поле товарняк.
Вьюга, фыркающая и щерясь,
Затыкает снегом щели,
Чтоб не чуют злую вонь,
Да людской не слушать вой...

Горе мыкают впритык
Молдаванин, курд, калмык
На паршивеньких манатках,
С непрерывною приглядкой,
Да суслят селёдки кость,
Да свою глотают злость...

Деток кутая в тряпьё,
Баба глупая поёт:
«Не видать нам больше дома,
Богом мы теперь ведомы
В ледяной далёкий край,
А, быть может, прямо в рай...»

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

День Победы

День Победы в майском звоне
Люди празднуют зело!
Оживленье и на зоне –
Пополнение пришло.

Ты с врагами бился твёрдо,
Ранен был, из плена бёг,
Рядовой солдатик тёртый,
Вот такой как Вася Тёркин –
Получай свой «пяточок»!

Житель ты тех территорий,
Что насиловал фашист -
Белорус, латыш, эстонец -,
То тогда тебе – «червонец»,
Получи и распишись.

Был ты бравым командиром,
Брал Берлин, крушил Рейхстаг,
Соблюдая честь мундира,
Шёл по западному миру -
Заработал «четвертак».

Если все четыре года,
Чтоб жила твоя страна,
Ты сражался за свободу,
Одолел огонь и воду –
Получай свободу! На!

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Смерть Сталина

На ближней даче

Там, в кулуарах Ближней дачи, -
Благоговейный холодок,
Сервильных жестов многозначье,
Ковровый умысел дорог.

Там, в глубине своей едальни,
Где не бывал учёный кот,
Наш дорогой товарищ Сталин
Лежит в разливе нечистот...

И в нерешительном смятенье,
Мыслишки комкая свои,
Переминаясь и потея,
Дрожат пред дверью холуи.

И страх едва превозмогая,
Приоткрывают, кхекнув вслух...
И грозно им в носы шибает
Его нетленный смрадный дух!

Тризна

Как барабанная дрожь непрерывная
Дробь миллионов сердец.
Смерть одолела Иосифа Сталина.
Был не из стали Отец.
Нет с нами больше Вождя и Товарища
В вихре великих задач.
Нынче никто своих слёз не смущается.
Плачь, человечество, плачь...

Мирно лежит в лакированном ящике,
Пышною тризною горд,
Слушает музыку хрустнувших хрящиков,
Лопнувших жилок и хорд.
Скорбь надрывается медными трубами,
Флагов пылает кумач,
Свежими трупами устлана Трубная.
Плачь, человечество, плачь...

Как Он любил, возглавляя застолыя,
Красное с белым мешать!
Кровь со слезами пьёт первопрестольная -
И отлетает душа.
А с мавзолея привычно и пламенно
Каждый клянётся трепач:
«Дело продолжится Ленина-Сталина!»
Плачь, человечество, плачь...

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Оттепель

Убрав сугробы и ухабы,
И даже глазом не моргнув,
Здоровьем пышущая баба -
Весна взялась за ледоруб.
И, подоткнув подол, спустилась
С крутого берега реки,
Да размахнувшись, в лёд врубилась!
И обомлели мужики...

Хоть в них давно уж нету тяги -
В чём только держится душа! -
Все бедагаи-доходяги
Стоят и смотрят, не дыша,
На стан, упругостью налитый,
На приоткрытый пухлый рот,
И как по лбу и по ланитам
Течёт густой духмяный пот.
Глядят на крепкие лодыжки
И на её тугую грудь
Как оробевшие мальчишки,
Боясь красавицу спугнуть.

Весна лебёдкой разогнулась,
Пот рукавами промокнув,
Прищурилась и улыбнулась
Им – заключённым... Ну и ну!

Не понимают и не верят
Своим ввалившимся глазам -
Больные пуганые звери:
Чтобы – такая, чтобы – нам...

По сердцу жалость полоснула,
И с синих глаз смахнув капель,
Весна к ним руки протянула:
«Очнитесь, люди: ОТТЕПЕЛЬ!!!»

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Причал

Песчано-дощатое слово «причал»,
Оно навещало тебя по ночам,
Чечётку отчаянную стучало,
Участливо хлопало по плечам,
Вернуть обещало в начало начал,
И много прощало твоим палачам...

И вот ты ступаешь на сущий причал:
Печальная чайка в разрыве луча
Чеканно-отчётливо прокричала,
Вот так припечатала сгоряча:
«Никто не скучал и не вышел встречать!
Ты весь измочалился и одичал!»

И ты покачнулся, упал на причал,
Мощами своими тотчас отягчав.
Очухался, чуточку полегчало.
И очутился в начале начал...
Чечётку отчаянную простучал...
И ветер похлопал тебя по плечам...

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Стиляги

Он очень клёвый чувак,
Он носит стильный прикид,
Он далеко не дурак,
Но занесён в кондуит.
Ведь делать то, что нельзя,
Он днём и ночью готов.
О нём рыдает семья,
Его чурается жлоб.

И прорезает поток
Унылых серых зевак
Его задиристый кок,
Его зелёный пиджак.
Хиляет он по Тверской
Как будто это Бродвей,
И знает, он – парень свой
Всяк в Интуристе халдей.

Кондовый наш совпаршив
Доводит он до шизы,
Когда наденет свой шик -
На «манной каше» шузы.
Смутит румяный батон
Его насмешливый взгляд.
А как возьмёт саксофон,
Так это – полный отпад.

Мне не устраивай сцен,
И не держи меня, мать!
От всех советских проблем
Уйду по Броду хилять!
Ты, комсомолец-спортсмен,
Не жди меня, дурачок!
С тобою нет общих тем,
Милее мне чувачок.

-
- Ну, здравствуй, красавица! Как звать тебя?
 - Нина...
 - И кем Вы доводитеесь этому гражданину?
 - Я – просто знакомая.
 - Время – за полночь... Вы тоже преклоняетесь перед западом?
 - Я – просто знакомая!
 - Не дура вроде бы... Ну, тоже пойдёшь за измену родине.
 - Вы что! Не надо! Пустите, дяденька!
 - О! Иногда мы бываем гладенькой!
 - Ну, что ж, посмотрим, коль будешь милкой...
 - Ко мне в машину - её, его – в «предварилку».

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ # Нобелевская премия Бориса Пастернака

Вороньё

Весенний день был искалечен,
Развенчан в пакостную рвань
Свирепым чёрно-серым смерчем,
Несущим разъярённый грай.

Кромешная воронья свора
Плоть родича рвала гуртом:
Он на спине лежал - отворен,
Лишь лапки-крестики щитком -

На льдистом грязном эшафоте,
Мучнисто гляючи туда,
Где не дорвавшихся до плоти
Вертелась алчная орда...

А за ордой не видно неба....
За гранью боли меркнет страх...
И воля... И не спят мне бы,
Бессилье стиснувши в стихах...

Переделкино

Переделкино. Осень не ранняя.
Вышел утренник, вытряс кафтан,
Напылил, был изруган геранями.
Огрызнулся, да прочь зашагал...
Горький запах смолисто-опилочный
И дымок по посёлку плывут.
На участке Борис Леонидович
Безучастно сгребает листву.

Пошатнётся, бессоньем измученный,
Приобнимет, как стан, деревцо,
И подставит осеннему лучику,
Словно для поцелуя, лицо.

Улыбнётся теплу уходящему,
Паучку, что в нирване парит.
Но, отозванный мыслью навязчивой,
Вдруг осунется, точно старик.

- Нет, не надо, Борис Леонидович!
Вы же знаете – это обман.
Нечитальщиков всех и хулильщиков
Превозмог Ваш великий роман.

Удивляетесь... Я из грядущего.
И сама я немало дивлюсь
Для чего через время дремучее
К Вам душой и строкою стремлюсь?

Подышать с Вами свежестью, может быть,
Луговой пройти полосой,
И поплакать, сомлев замороженно,
Над немислимой русской красой...

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Траектория

На каплях дождя солнце сладило радугу.
Кремлёвские звёзды в ту вписаны рамку.
Тут время таксирует сроки курантами,
Тут судьбы, как пули, летят по параболе.

Тут ложь с беспредельно упругими нервами
Несётся в бескрайность двурешной гиперболой.
А правда, смущаясь тлетворного запаха,
Ползёт по зигзагу с далёкого Запада.

Порою свобода вспорхнёт точно бабочка -
Борзо, хаотически и лихорадочно!
Но на совдеповской территории
Это немыслимая траектория!

И вот по прямой, без стыда и утайки,
Таранят пространство советские танки.
И вот уже лики железные гусениц -
Татуировки на крыльях капустницы...

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Москва-Петушки» с Веничкой Ерофеевым

Событий карты тасует Времечко,
Пасьянсом лечится от тоски...
А я, поддата приветом Венички,
Стартую с Курского в Петушки:
Не за любовью - за недосказанным,
За чем-то призрачным и больным,
И служит верно сухое красное
Мне льготным разовым проездным.

«Туда-обратно» - билетик с дырочкой,
Картон коричневый - не в ходу.
Я ветра память ловлю бутылочкой,
Опорожнённую на версту.
Гудит бывшее у спазма в горлышке,
Уныло тянется по хребту,
Сжимает туго башку околышком,
Возводит кислую дурноту.

Сидят сограждане обомлелые,
В глазах - похмельная мутота,
Их лица серо-остервенелые,
Их жизни морщатся от заплат.
Вагон заплёван лузгою семечной,
А поезд чешет в советский «рай».
И притулился напротив Веничка:
- Чего задумалась? Наливай.

- Ты был когда-то блестящим мальчиком,
Хотелось жить будто ты – не тля:
Чтоб не елозить, да не выклянчивать,
Да чтоб не видеть в упор Кремля.
Откинув чёлочку с пьяной грацией,
Писал, витийствовал, завирал.
За ширмой внутренней эмиграции
Всё про Итаку захлёб мечтал.

Событий карты тасует Времечко
Своею каменною рукой...
А я последнюю выпью, Веничка,
За твоей душеньки упокой.
И понесётся наш поезд долбаный
К разрыву тонкой своей кишки!
И кто-то пьяный шарахнет с облака:
«Добро пожаловать в Петушки!»...

КАРТИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ # Гондола Иосифа Бродского

- Брода нет – только вплавь иль - по воздуху,-
Улыбнётся хитро гондольер.

- Вам куда?.

- Мне б добраться до Бродского,
Может знаете?

- Миллионер?

- Вероятно мог стать бы мильонщиком,
Да поэтом прожил, и угас
Неурочно, отчизной отторженный,
Слит с Венецией, как диабаз.

- Так на кладбище Вам в самом деле.
В лучшем виде домчу, без преград.

- Нет, приятель, не - в Санта-Микеле,
В темпе ларго плывём в Ленинград...

.....
На крыльях галоперидола
Летит гондола.
А в ней – поэт, спелёнут братством,
Лежит балластом.
Простынка сохнет оголтело,
Врезаясь в тело,
И исполняется кантата
Благого мата.

Не вынося нутра надсада,
Шахерезадой
Влетает нянька записная,
Не объясняя,
Даёт поэту подзатыльник,
Потом – урильник,
И в омут тыща первой ночи
Нырнув, хохочет.

Плывёт в тоске необъяснимой
Наук светило,
Набальзамировано водкой,
Трясёт бородкой,
Еврейский выговор миксуя
С латынью все,
Обходит спёртых пациентов
Без сантиментов.

Среди сомнамбул, психов, пьяниц
Хил туняец,
Но мудреват, сиречь преступен
Сознания жупел.
Светило морщится брезгливо
На это диво,
Речёт бесстрастно: «Я - не Каин.
Вердикт: Вменяем!»

КАРТИНА СЕМНАДЦАТАЯ

Изгнание

Не нужен вам писатель?

Редактор и издатель,
Адепты Октября!
Не нужен вам писатель,
Прошедший лагеря?

Он, ткнув шипами истин
Шары надутой лжи,
Такой вам роман тиснет—
Взорвутся тиражи!

Не за столом детали
Выписывал пером,
А - на лесоповале
Кайлом и топором.

Был кровно перепахан
Им каждый эпизод
По тюрьмам и этапам,
В шарашке и ШИЗО.

Он через БУР и карцер
До истин доходил,
Не верил, не боялся,
Не плакал, не просил.

Навечно пришпандорив,
Он помнить завещал
Тот каторжный свой номер
За литерою «ща».

Всего лишён и сослан,
Познал психушки гнёт,
Прошёл сквозь раков корпус,
Был травлен - но живёт!

Хвала тебе, Создатель,
Ты спас его не зря!
Не нужен вам писатель,
Прошедший лагеря?

«Лубянка – Облака»

На Лубянке снежок
Как глумливый паяц
У Дзержинского ног
Выкаблучивал пляс.

Ты едва кинул взгляд,
Да смешок проглотил,
В дверь втокнули тебя
Двое гладких верзил.

В кабинетик ввели
Из дубовых пород,
И двойными дверьми
Закупорили вход.

И ты вдруг увидал
Своей жизни лубок:
Как мычал и бодал
Дуб строптивый телок.

Твои мысли гудят,
Точно пламя в печи.
Справа – слева глядят
На тебя Ильичи.

И воззрился в упор,
Протирая до дыр,
Сих пенат командор,
Главчечкист-ювелир.

За столом человек,
Облачённый в футляр.
И ты вроде не зэк,
А шкодливый школяр:

«Будет розгами драть,
Да поставит на вид...»
Тут он кончил писать,
И тебе говорит:

«Заседал и решил наш верховный совет:
В нашей славной стране для таких места нет!
Ты цинично марал её честь клеветой!
Ты – предатель и враг, и отныне – изгой!
За тобою легко мы закроем засов.
У тебя, - говорит, - сорок восемь часов!»

.....
Ты теперь в облаках,
Но ещё не в раю...
Магадан, Абакан
Твои песни поют.

Наполняет стакан
Измождённая Русь...
Ты кричишь в облака:
«Я, конечно, вернусь!
О, когда я вернусь!
А когда я вернусь?...»

ЭПИЛОГ

Итак - финал. И я свой труд неброский
Кладу, склоняясь, к отчизны алтарю.
Пришла пора покинуть мне подмости.
Я за вниманье вас благодарю.

Сейчас простимся, выйдем в сумрак ночи,
Нырнём в авто, в метро, или в такси...
А где-то отголоском «Авва отче,
Ты чашу эту мимо пронеси...»

Теперь у нас совсем иная бытность,
И кажется – век Разума настал.
Но с пошлостью едва граничит сытость,
Телец золотой венчает пьедестал.

У пьедестала в вечном карнавале,
Под мишурой и серпантином лжи,
Всё те же: войны, голод, и страданья,
И ни гроша не стоящая жизнь.

И так привычно в души входит злоба,
И скверна отлетает от зубов...
А помнится «Вначале было Слово...
Вовек животворящее – ЛЮБОВЬ!»

Пирамида

Время кладёт ледяными руками,
Глядя едва из-под тяжести век,
Камень – на камень, век – на век.

И, неказистого странного вида,
Растёт, подминая за фактом факт,
Арт-пирамида, саркофаг.

Сквозь пирамиду, от тлена свободны,
Текут, как свет, преломляясь едва,
Музыки волны и слова...